

В.В. Миронов, Д.В.Г. Миронова

Добродетельный террор, или Кто определяет границы свободы слова (размышляя над книгами Тило Саррацина)

Владимир Васильевич Миронов – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991 Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4; e-mail: vlamironov@yandex.ru

Дагмар Вали Герта Миронова – кандидат философских наук, доцент. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991 Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4; e-mail: dagmar@mail.ru

Статья посвящена анализу последних книг Тило Саррацина, известного в Германии автора общественно-политических и публицистических бестселлеров, которые вызвали широкие общественные дискуссии и неприятие его идей, прежде всего на уровне правящей элиты и масс-медиа. Автор поднимает острые вопросы о современном состоянии свободы печати, слова, мнения, вероисповедания, которые ныне сложились в Германии. По его мнению, вместо действительной свободы государство реализует своеобразную модель «новой идеологии», закреплению которой способствуют современные СМИ. По сути, это форма нового, идеологического «добродетельного террора», в рамках которого четко регламентируется то, о чем можно говорить, и то, о чем говорить «неполиткорректно». Навязываемые правящей элитой нормы притягивания или неприятия тех или иных идей выступают в виде своеобразных табу, которые, по мнению автора, можно обозначать как «аксиомы добродетельного безумия». Они неоднозначно воспринимаются в обществе, однако это благодаря общей позиции СМИ игнорируется, а распространение «оппозиционных» официальной линии взглядов часто просто блокируется.

Ключевые слова: Тило Саррацин, «добродетельный террор», свобода печати, слова, мнения, вероисповедания в Германии, политкорректность, СМИ, принцип равенства, «аксиомы добродетельного безумия»

Вопрос о свободе печати, слова, мнения, вероисповедания с момента своего возникновения вызывает многочисленные вопросы. Например, откуда берутся эти свободы? Принадлежат ли они человеку от рождения или он их обретает в процессе социализации? Для каких форм господства они характерны? Являются ли демократические свободы действительно демократичными и свободными? Таких вопросов много, и ответы тоже могут быть самые разные. В данной статье мы анализируем эти вопросы сквозь призму идей Т. Саррацина, известного в Германии автора общественно-политических и публицистических бестселлеров¹.

¹ Тило Саррацин (1945 год р.), кандидат экономических наук (диссертация 1973 г. была посвящена научно-теоретическим проблемам истории экономики с позиции критического рационализма), много лет занимал высокие должности, в том числе в федеральном и регио-

Издание его первой книги «Германия. Самоликвидация»² вызвало резкое неприятие истеблишмента. Против него дважды возбуждалась процедура исключения из партии, но комиссии, созданные по этому поводу, пришли к выводу, что изложенные в книге идеи не противоречат идеологии немецкой социал-демократии. Книга вызвала большой резонанс не только в политических и научных кругах Германии, но среди широких слоев населения. За неполных два года было продано более 1 млн экземпляров, и читатели четко разделились на два лагеря противников и сторонников идей, изложенных в книге.

К первой, проправительственной группе, поддерживающей основные идеи и методы современной политической линии Германии, следует отнести многих из действующих политиков, особенно в высших эшелонах власти, представителей средств массовой информации, отстаивающих интересы власти, а также ученых, которые так или иначе занимаются современными проблемами развития Германии, в частности вопросами развития интеграционных процессов в самой Германии и Европе. Вторая группа – представители «правых» партий всех уровней, выражающих прежде всего недовольство граждан проводимой государством политикой.

Недовольство граждан достаточно велико, что проявилось даже в возникновении в современном немецком языке нового термина – “Wutbürger” (буквально «разъяренный гражданин»), отражающего распространенность настроения недовольства в обществе и тип поведения людей, которые охвачены таким недовольством. Этот термин противостоит понятию “Gutmenschen” – насмешливому обозначению добродетельного человека, желающего добра всем ради самого добра, но не понимающего и не несущего ответственности за последствия такой «доброты». В результате такой поляризации общественного мнения Саррацин стал героем многочисленных скандалов, возникших вокруг многих его публичных выступлений.

Такой прием книги стал поводом для, по сути, философского анализа современной ситуации со свободой слова в Германии и публикации Саррацином нового исследования: «Новый добродетельный террор. О границах свободы мнения в Германии»³.

Словосочетание «добродетельный террор» на первый взгляд кажется парадоксальным, хотя это понятие известно со времен Великой французской революции. Базовая идея, отраженная в нем, заключалась в том, что, когда все граждане поступают добродетельно, создаваемое общество становится идеальным. Например, во времена французской революции добродетели вытекали из ее главного лозунга «Свобода, равенство, братство». Как писал Л. Сен-Жюст, «если все люди будут свободны, они будут равны; если они будут равны, они будут справедливы. То, что честно, проистекает из себя»⁴. Выглядит красиво,

нальных министерствах финансов, министерстве по труду и социальному устройству. С 2002 по 2009 г. был Берлинским сенатором по финансам (в ранге земельного министра, так как Берлин является самостоятельной федеральной землей), затем работал членом наблюдательного совета Германского федерального банка. Саррацин является членом Социал-демократической партии Германии.

² Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. München, 2010.

³ Sarrazin T. Der neue Tugendterror. Über die Grenzen der Meinungsfreiheit in Deutschland. München, 2014.

⁴ Сен-Жюст Л.А. Дух Революции и Конституции во Франции. Трактат / Пер. М.А. Бобовича // Речи. Трактаты. СПб., 1995. С. 251.

но сразу возникает вопрос о том, каким образом можно привить эти добродетели обществу. Мы знаем на примере той же революции, что весьма часто в ситуации, когда граждане не придерживались «правильных» добродетелей, их можно было заставить придерживаться нужной формы поведения при помощи террора. Естественно, возникает вопрос о том, какие добродетели являются правильными, а какие – нет, и кто, собственно, определяет правильность или ложность добродетелей. По сути это вариант добродетельного террора, когда высокие ценности могут достигаться разными средствами, в том числе и насильственными. Саррацин отмечает: «...проявления нравственного террора столь же стары, как человеческое общество. Они возникают вновь и вновь из борьбы за политическую власть или стремлений заново упорядочить, формировать и направлять общество... Не всякий нравственный террор ведет к насилию и преступлению. Но каждому нравственному террору присуща хотя бы склонность к тоталитарному»⁵. Первые проявления добродетельного террора Саррацин усматривает уже в процессе становления христианства в Римской империи, затем в связи с обсуждением проблемы допущения свободы вероисповедания в Средние века, когда институт инквизиции становится ярчайшим примером реализации механизма добродетельного террора, и, конечно, террор Французской революции и тоталитарных режимов XX в.

Мы не будем здесь углубляться в историю вопроса, так как нас в первую очередь интересуют проявления добродетельного террора в современном обществе, который выводится автором из отождествления свободы с равенством, а равенства – со справедливостью. Перед нами пример того, как некая изначально чисто философская конструкция проникает далее в жизнь общества. Кстати, на эту особенность философии обращает внимание В.С. Степин, говоря о том, что философские идеи могут задавать новую «категориальную модель» эпохи⁶, которая проникает на уровень общественного сознания и может стать господствующей для общества в целом, охватывая в том числе политическую власть, что становится основанием для их практической реализации.

В комментарии «Мораль и достоверность», размышляя об относительности морали, а также о роли «социальной смелости», автор приходит к выводу, что «ядром любого добродетельного террора всегда выступает попытка получить господство над умами и овладеть общественным дискурсом посредством контроля за мнениями и мыслями, при этом нежелательные формы мышления лишают легитимности и подрывают респектабельность людей, придерживающихся иного мнения⁷. По сути, Саррацин описывает модель «позитивной тирании», которая была предметом исследования еще у Платона и Аристотеля как одна из форм, говоря современным языком, эффективного менеджмента. «Неограниченная власть давала неограниченные возможности, и философы пытались представить себе ситуацию, при которой правление тиранов, совсем не предполагая какого бы то ни было стремления к добродетели, могло преследовать в том числе и общее благо, пусть часто из исключительно корыстных соображений»⁸.

⁵ Sarrazin T. Der neue Tugendterror. Über die Grenzen der Meinungsfreiheit in Deutschland. S. 187.

⁶ Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 209.

⁷ Sarrazin T. Der neue Tugendterror. Über die Grenzen der Meinungsfreiheit in Deutschland. S. 215.

⁸ Павлов А. Добродетельная тирания. Классическая политическая философия в поисках новой терминологии // Логос. 2015. Т. 25. № 6. С. 28.

Конечно, современную политическую модель Германии мы не считаем тиранической, но тем не менее понятно, что некоторые идеологические установки по сути могут действовать повелительно для граждан, исходя из идеи навязывания добродетели любыми способами, в том числе и при помощи современных возможностей манипулирования общественным сознанием. Выстраивание политической модели следования неким добродетелям, как показывает Саррацин, характерно для актуальной ситуации в Германии. В этом смысле, иронизирует он, Германия не только стареет, указывая на демографические проблемы, но и стремительно глупеет (благодаря реформам образования), ибо не способна объяснить объективно, что происходит.

На примере своей первой книги «Германия. Самоликвидация» он показывает, как может выглядеть сегодня манипуляция общественным мнением, которому навязываются необходимые стереотипы восприятия реальности. В своем исследовании он выделил три основные тенденции развития Германии: снижение рождаемости коренного населения, рост социальной прослойки, зависящей от государственных пособий и прочих форм оказания помощи, и миграционные проблемы. Следует отметить, что Саррацин в связи со своим исследованием сразу получил упреки в некомпетентности, в том, что он не является специалистом в области генетики, биологии, вплоть до ненаучности его подхода. Однако очень многие известные ученые из разных областей науки подтверждают правильность его рассуждений. В новой книге, отвечая своим критикам, он дает подборку соответствующих оценок⁹. Одновременно он показывает, как сама его книга становится предметом манипуляций, когда, например, из общего контекста с искажениями, неверным цитированием, домыслами и прочими демагогическими приемами была выбрана лишь тема миграции, которая, по замыслу автора, не имела в ней центрального значения. Более того, если он в первой книге не делал миграцию центральной проблемой, то она сама стала таковой, отражая актуальную ситуацию и то влияние, которое массовая миграция оказывает на культуру Германии и состояние общественного сознания.

Как нам представляется, одна из проблем при решении данного вопроса заключается в том, что при выборе модели интеграции¹⁰ была выбрана та, которая хорошо работает при миграции традиционного типа, т. е. прежде всего индивидуальной, и не срабатывает, когда миграция становится массовой. Авторы этой статьи в свое время исследовали данную проблему, указывая, в частности, что из трех моделей интеграции¹¹ на современном этапе была выбрана модель

⁹ *Sarrazin T. Der neue Tugendterror. Über die Grenzen der Meinungsfreiheit in Deutschland. S. 93.*

¹⁰ Вопрос о выборе модели интеграции переселенцев возник в 70-е гг., когда стало ясно, что «гастарбайтеры», прибывшие в период с 1955 по 1973 гг. в большей мере, чем ожидалось, остались проживать в Германии, перевезя сюда и свои семьи. Достаточно рано, уже в 1978 г., федеральное правительство назначило «уполномоченного по содействию интеграции иностранных рабочих и членов их семей», были разработаны разные интеграционные концепции, в том числе концепция мультикультурного общества. Но она никогда не была закреплена в Конституции (как, например, в Канаде), хотя попытки ее реализации, особенно в период правления коалиции из социал-демократов и зеленых под руководством Г. Шредера, были предприняты. В 1989 г. во Франкфурте на Майне было создано специальное ведомство по делам мультикультурализма, существующее по сей день («Amt für multikulturelle Angelegenheiten» – АМКА).

¹¹ Модель «плавильного котла» («Melting Pot»), характерная прежде всего для США; модель мультикультурализма и модель «руководящей» или «базовой культуры» (Leitkultur) – как чисто теоретическая модель.

мультикультурализма: «Ее суть заключается в том, что современное глобальное общество рассматривается как открытая система со свободным каналом обмена человеческим ресурсом, а значи, и разными культурами, что в перспективе предполагает растворение границ, препятствующих такому обмену»¹².

Как нам представляется, именно эта модель оказалась, может быть, наименее приемлемой для Германии в силу того, что она на протяжении всей своей истории представляла собой скорее монокультуру, в которой доминировала одна нация, что отличает ее, например, от таких стран, как Канада или США. Данная модель, и это касается не только Германии, но и большинства европейских стран, приводит к тому, что происходит не столько самообогащение различных культуры (как это было задумано), сколько достаточно резкое столкновение ценностей различных культур, что и привело на нынешнем этапе фактически к миграционному кризису.

Для Германии более приемлемой была бы модель, основанная на «базовой культуре» «*Leitkultur*». Она предусматривала необходимость интеграции переселенцев именно в эту культуру, что, конечно, вовсе не означало отрицания ценностей собственной культуры. Эта модель не была реализована под давлением процессов глобализации и стремительности нарастания миграционных процессов, реализующихся в своеобразном дефиците времени, которого не оставалось для освоения системы европейских культурных ценностей. Кроме того, в Германии этому мешал «идеологический» оттенок, ибо в качестве базовой должна была выступать немецкая культура, что порождало негативные исторические ассоциации. На это указывает, например, Ю. Хабермас, отмечая, что данный вариант интеграции открывает дорогу национальным притязаниям, тогда как «в демократическом конституционном государстве даже большинство не может предписывать меньшинствам собственную культурную форму...»¹³. Эта дискуссия еще раз показывает сложность проблемы выбора системы добродетелей в качестве основы реализации государственных целей и политических амбиций, ибо всегда возникает вопрос выбора базовых ценностей и правомочности субъекта такого выбора.

Саррацин пытается в противовес политическим амбициям исходить из анализа объективной ситуации, подкрепляя это серьезными социологическими исследованиями. Он анализирует процесс социализации разных по происхождению групп мигрантов по показателю их включенности в трудовой процесс, получению школьного образования детьми, рождаемости и получению социальных пособий. Некоторые группы, например вьетнамцы, по показателю образования превосходят коренное население. Так называемые российские немцы по многим показателям находятся на уровне коренного населения, а по некоторым, например занятость молодежи, незначительно превосходят. В то же время есть группы мигрантов, ситуация которых представляется кризисной, им не удастся интегрироваться в систему ценностей Германии, и они замыкаются в своей собственной культуре внутри иного для них правового и культурного пространства¹⁴. Когда Саррацин говорит об этом, он вовсе не вы-

¹² *Миронов В.В., Миронова Д.В.Г.* Мультикультурализм: толерантность или признание? // *Вопр. философии.* 2017. № 6. С. 19.

¹³ *Habermas J.* Die Zukunft der menschlichen Natur. Auf dem Weg zu einer liberalen Eugenik? Frankfurt a/M., 2001. S. 13.

¹⁴ См.: *Buschkowsky H.* Neukölln ist überall. Berlin, 2012.

сказывает негативного отношения к представителям данных культур, а лишь ставит проблему их сложной адаптации. А в ответ на это получает обвинение в антиислализме, социал-дарвинизме и национализме.

Для Саррацина важным является не отрицание самих идей мультикультурализма или процесса миграции как необходимого в современных условиях. Для него это просто один из объектов анализа и критики, указывающей на проблему функционирования немецкой социальной системы в целом. Парадокс, но именно социальная защищенность граждан – предмет извечного недовольства государством – одновременно обеспечивает достаточную комфортность существования, разрушая стимуляцию внутреннего развития индивида, его стремления «вырваться» с позиции «социального низа». Соответственно, и «новые граждане» Германии ничего не меняют в своей жизни, просто переносят ее в иные, более комфортные в сравнении с предыдущим местом проживания условия. Если для большинства немецких граждан этот уровень комфорта является привычным и не влияет на изменение их жизни и их семей, то для «новых» граждан, хотя многие из них оказываются на уровне «социального низа» в Германии, существование становится гораздо более комфортным. Это отражается, в частности, в высоком уровне рождаемости среди этого населения, оказывает влияние на уровень образованности. Выходцы из «социального низа» не особо стремятся к образованию, не чувствуя в этом потребности. К высшему образованию стремятся дети из образованной части населения, круг замыкается, и закрепляется ситуация разобщенности разных слоев населения уже в нескольких поколениях. Значительная часть мигрантов «оседает» на уровне социального низа, делая его все более массовым и обеспечивая тем самым понижение общего уровня образованности. Следует заметить, что Саррацин не критикует мигрантов, а пытается указать на проблемы демографии или образования в целом, которые необходимо решать, учитывая ко всему прочему и изменения в структуре населения.

Саррацин делает предметом анализа сам механизм критики его точки зрения и ставит философские вопросы о реализации свободы и свободного мнения, о соотношении политики и морали, о добродетели как таковой. Свобода слова выражает свободу мысли, во многом влияя на процесс формирования общественного мнения, поэтому важно понимать границы этой свободы, в том числе и задаваемые формально-юридическими рамками, закрепленные в Конституции. Однако, замечает Саррацин, гарантированная правом свобода в реальности во многом формируется и ограничивается, как это ни парадоксально звучит, «масс-медийным» классом, задающим правила «игры в свободу». При этом сам «масс-медийный» класс не столь уж свободен в своеммыслеизъявлении. С одной стороны, он тесно связан с сообществом политиков, влияя на их успех или неудачу, а с другой – зависит от попадания в политический мейнстрим, который может обеспечить успех продвижению тех или иных идей в массовое сознание, обеспечив популярность как политику, так и представителю масс-медиа, продвигающему его идеи. В таком медийном игровом пространстве можно сформировать и навязать обществу любое представление. Событием здесь может стать не факт реальности сам по себе, а именно его медийная конструкция, в том числе искажающая реальное положение дел. «СМИ и политика участвуют в игре превращения нелюбимых мешающих фактов в простые мнения и – наоборот – желательных мнений в мнимые факты. Если

каждый факт можно сделать мнением и каждое мнение фактом, все становится возможным»¹⁵. Эта мысль не столь нова, но редко высказывается столь ясно. Еще Ханна Арендт обратила внимание на соотношение истины и политики и также пришла к выводу о том, что истина, как только она попадает в область политического, утрачивает свою уникальность и превращается одно из мнений среди других. Ее судьба в политической борьбе зависит в конечном счете от общественности и ее настроения. Впрочем, наличие разных мнений для Арендт не является с необходимостью выражением лжи, а отражением многообразия восприятия мира людьми¹⁶.

Это всегда присутствовало в обществе, вспомним хотя бы процесс осуждения Сократа, который был реализован как вполне демократическая процедура при поддержке большинства. Но произошли существенные изменения в самой технологии «конструирования» событий и образов и, главное, в возможности их распространения на общественное сознание, которое становится предельно оперативным и всеохватывающим. Именно последнее определяет то, что «медийный класс» (не случайно многие авторы называют его медиакратией) определяет то, о чем можно говорить, не нарушая «нравственные установки» общества, именно он «отвечает» за определение понимания добра и зла в обществе. Это часто обозначается «политкорректностью», которая становится своеобразным вместилищем добродетелей.

Политкорректность в этом отношении выступает как некая мыслительная конструкция совокупности правил и норм, основанная на проводимой политической линии, которая сама по себе может меняться, изменяя и формы политкорректности. Политкорректность – это жестко повелительная форма, предписывающая тип поведения в публичном пространстве дискурса, т. е. по сути новая форма нравственных регулятивов, которые не должны подвергаться сомнению и за нарушение которых человек в буквальном смысле может быть подвергнут остракизму. Очень часто, как отмечал Г. Гаук в выступлении в качестве кандидата на пост Федерального президента Германии, высказываясь по поводу книг Саррацина, политкорректность приводит к тому, что «язык политической корректности у людей вызывает ощущение завуалированности подлинных проблем»¹⁷. Саррацин указывает, что в результате такого понимания политкорректность выступает как структурный принцип, который «регулирует с имплицитной или эксплицитной обязательностью круг произносимого и выбираемый при этом способ выражения... Структурный принцип как таковой независим от содержания. Интенсивность политических установок может варьироваться независимо от их содержаний»¹⁸, а индивиду предписывается то, «что следует или не следует говорить и как следует говорить»¹⁹.

Политкорректность превращается в гибкую и динамичную систему, приобретающую статус системы нравственных императивов, которая на самом деле может быть быстро трансформирована в зависимости от смены полити-

¹⁵ *Sarrazin T.* Der neue Tugendterror. Über die Grenzen der Meinungsfreiheit in Deutschland. S. 28.

¹⁶ См.: *Arendt H.* Denktagebuch. 1950–1973. 2. Bd. Piper. München; Berlin; Zürich, 2016. S. 620.

¹⁷ *Gauck J.* Politiker können von Sarrazin lernen. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article11902962/Joachim-Gauck-Politiker-koennen-von-Sarrazin-lernen.html> (дата обращения: 17.07.2018).

¹⁸ *Sarrazin T.* Der neue Tugendterror. Über die Grenzen der Meinungsfreiheit in Deutschland. S. 36.

¹⁹ *Ibid.*

ческой позиции, и такая трансформация порождает целый ряд парадоксальных явлений и даже изменения восприятия традиционных культурных образов в общественном сознании. Например, сказки, на которых выросли дети многих поколений, вдруг оказываются неприемлемыми из-за отдельных персонажей или слов, когда детские книги и мультфильмы подвергаются «исправлению». Можно вспомнить бурное обсуждение якобы имевшей место попытки признать одну из любимых всеми сказок «Золотой ключик, или Приключения Буратино» оскорблением чувств верующих²⁰, а также целый ряд других громких скандалов на ту же тему. По сути, политкорректность – это политическая цензура, причем обращенная не только на явления современности, но цензурирующая даже наше прошлое, нашу культуру. И это становится в рамках глобального коммуникационного пространства всеобщим феноменом, продолжая нивелировать специфику разных культур, формируя некую всеобщую глобальную культуру, одинаковую для всех.

В этой связи Саррацин вспоминает антиутопию Дж. Оруэлла «1984», в частности введение новояза. Изымание слов из языка и замена их однозначными словами приводит к тому, что часть феноменов уже невозможно обозначить в языке и тем самым использовать в коммуникации. Язык сам становится инструментом нравственного террора, модифицируя историю культуры и придавая ей «политкорректную» форму. Например, новые гендерные нормы реализуются в языке, в существенной степени засоряя его новообразованиями, которые не были присущи данной культуре, влияя на восприятие традиционных форм гендерной структуры в обществе²¹. Например, предписывается специальным образом указывать на присутствие третьего пола в обществе. При найме на работу в строке требуются «мужчины и женщины» добавляется третье звено (“m/w/d”), хотя вполне можно было обойтись указанием на то, что принимаются любые граждане, независимо от половой принадлежности.

Сюда же относятся дискуссия по проблеме вариативности брачных союзов, выходящих за рамки традиционных. В Германии, исходя из Конституции, браком считался именно союз мужчины и женщины, рассчитанный на продолжение рода, т. е. рождение и воспитание детей. Поэтому однополый правовой союз назывался в Германии не браком, а зарегистрированным жизненным союзом. Однако некоторые партии, в частности социал-демократы и «зеленые», выдвинули требование «Брак для всех!». 1 октября 2017 г. вступил в силу но-

²⁰ См.: *Бутузова Л.* Буратино – не Христос! Почему фейковые новости принимаем за чистую правду // Новые известия. 26.03.2018. URL: <https://newizv.ru/article/general?date=26.04.2018> (дата обращения: 04.07.2018).

²¹ В Германии на законодательном уровне закреплено понятие «третьего пола» для обозначения людей, которые не считают себя ни мужчинами, ни женщинами. Федеральный Конституционный суд обосновал это нововведение тем, что определение только двух полов нарушает общие права личности (ст. 2, абзац 1 Основного закона Германии), а также запрет на дискриминацию (ст. 3, абзац 3). Данное положение касалось в основном записей в актах гражданского состояния. До сих пор действовало положение, что в таких случаях записывалось: «нет данных». Однако Конституционный суд отмечает, что в данном варианте записи не отражается тот факт, что данное лицо не воспринимает себя как бесполое, а имеет «по собственному ощущению пол, отличный от мужского или женского» (Personenstandsrecht muss weiteren positiven Geschlechtseintrag zulassen. Pressemitteilung Nr. 95/2017 vom 8. November 2017. Beschluss vom 10. Oktober 2017 1 BvR 2019/16. URL: <https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2017/bvg17-095.html> (дата обращения: 04.07.2018)).

вый закон, разрешающий именно однополые браки, хотя попытки обозначения однополых партнерств как «браки» еще совсем недавно наталкивалось на сопротивление со стороны как высшего юридического сообщества, так и правого спектра немецких избирателей.

Сквозь призму императива политкорректности Саррацин рассматривает проблему деформации этнических обозначений носителей разных этносов. Они наполняются неким «магическим» содержанием, не связанным изначально с обозначаемым объектом. Использование названия, специфического для той или иной группы людей, принятого в обыденной жизни и самого по себе безобидного, вдруг начинает оцениваться отрицательным образом, сквозь призму некой политической идеи, обращенной из современности в историю. Это, в частности, касается обвинений в расистском содержании²². Иначе говоря, некая современная добродетель, исходя из политических реалий, повелевает не просто следовать ей сегодня, но даже направлена на своеобразное соответствующее этой добродетели переписывание истории²³.

В этом году мы побывали в Музее гигиены в Дрездене на выставке под названием «Расизм. Изобретение человеческих рас»²⁴. При входе был размещен текст: «При помощи данной категории описываются лишь мнимые человеческие различия, на самом деле она служит для обоснования политического, социального и культурного неравенства. Хотя люди везде в мире выглядят совершенно по-разному, не существует никаких человеческих рас. “Расы” – изобретение, распространяющее с XVIII в. свою зловещую власть». Здесь удивление и недоумение вызывает ссылка на современную науку, которая якобы отказывается от этого понятия. Это тоже пример навязывания добродетели. Идеология расизма не тождественна исследованию биологических различий между людьми, которые являются неоспоримым фактом. Поэтому, отрицая эту идеологию и вытекающие из нее такие общественные явления, как колониализм, антисемитизм, фашизм и т. д., ошибочно отбрасывать научные результаты, описывающие биологические различия этносов и народов. Тем не менее это становится очень распространенным демагогическим приемом, и особенно в политической сфере.

Саррацин анализирует табу, которые, по мнению СМИ, были им нарушены. Это признание наличия в обществе самых разнообразных групповых различий, влияния, которое может оказывать религия на процесс интеграции,

²² Вспомним, что до середины XX в. слово «негр» вовсе не считалось оскорбительным и было скорее нейтральным словом, обозначавшим человека с темной кожей. Достаточно вспомнить стихи Маяковского («Да будь я негром преклонных годов...»), у которого оно носит скорее позитивный характер, или вспомнить главного героя фильма «Максимка», любимца школьников того времени. В конце 60-х гг. в связи с усилением борьбы черного населения США за свои права слово «негр» приобретает негативный оттенок и становится непolitкорректным. Его не просто не рекомендуют произносить, но в ряде случаев могут это рассматривать как серьезное нарушение. Более того, становится, по сути, запретным использование понятия «расы».

²³ Например, роман Агаты Кристи «Десять негритят» (“Ten Little Niggers”), который она считала своим лучшим романом, переименовывают во многих странах. В США он вообще никогда не выходил под таким названием, а в Германии рекомендовано название «И не осталось никого» (“Und dann gab’s keines mehr”).

²⁴ Rassismus. Die Erfindung von Menschenrassen. Deutsches Hygiene-Museum Dresden. 19.05.2018 – 06.01.2019. URL: <https://www.dhmd.de/en/exhibitions/racism/> (дата обращения: 04.07.2018).

факторы наследственности человеческих свойств, последствия учета показателей рождаемости в разных социальных группах, характер и особенности народов и обществ, вытекающие из их культуры²⁵. Он приходит к выводу, что общей нормы, стоящей за всеми этими табу, выступает своеобразно понятый постулат равенства. Равенство со времен Аристотеля принято понимать как равенство «свободнорожденных» людей перед законом²⁶. Позже возникает понимание равенства как равенства стартовых возможностей, или равенства как равноценности. В основе современного «добродетельного террора», отмечает Саррацин, лежит понимание равенства, которое сводится к тому, чтобы игнорировать реально существующие различия между людьми со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Здесь опять обнаруживается философская проблема, выходящая за рамки правовой парадигмы, которая может быть задана кем-то, например правителем или государством. В отношении всего человечества такая парадигма могла бы быть задана гипотетически, например, Творцом, если мы стоим на теологической позиции. Но даже здесь этого не происходит²⁷. Достижение равенства людей всегда будет реализовываться в условиях их принципиального разнообразия, как и многообразия их культур. Мы все разные, и эту разность необходимо учитывать, не отрицая ее, а пытаясь понять Другого, и вырабатывать принципы сосуществования с Другим, его культурой, его национальностью, его религией. Еще в 90-е гг. прошлого столетия, задолго до мощных процессов интеграции в Европе, Ю.М. Лотман писал об этом: «Сейчас делается попытка создать мировое пространство – экономическое и культурное... Ощущение рубежности, пограничности становится этическим, переходит внутрь человека, т. е. мы пытаемся создать общечеловеческую цивилизацию. Единство состоит не в том, чтобы все были одинаковыми. ...Будущее – не в стирании национальных границ, а в понимании чужого, в понимании необходимости чужого: чужой, инакомыслящий, иначе устроенный для меня мучительно необходим и составляет мое мучительное счастье...»²⁸.

Подводя итоги, Саррацин выделяет «Четырнадцать аксиом добродетельного безумия в современной Германии». Это, по сути, моральные принципы, которые хотя и не являются впрямую табу, но оспаривание их правомерности в политическом дискурсе подпадает под моральное осуждение.

1. Неравенство плохо, равенство хорошо.
2. Вторичные добродетели не важны. Конкурентное соревнование сомнительно.
3. Тот, кто богат, должен ощущать вину.
4. Различия в личных жизненных обстоятельствах, как правило, связаны с обстоятельствами и едва ли зависят от человека.
5. Человеческие способности зависят исключительно от образования и воспитания.

²⁵ *Sarrazin T.* Der neue Tugendterror. Über die Grenzen der Meinungsfreiheit in Deutschland. S. 37.

²⁶ *Аристотель.* Политика // *Аристотель.* Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 525.

²⁷ Достаточно здесь вспомнить миф о Вавилонской башне. Изначально народ был един: «На всей земле был один язык и одно наречие» (Быт. 11:1). Но именно Господь, увидев город и башню и поняв амбиции людей, говорит о необходимости смешения языков, «так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле» (Быт. 11:7–8).

²⁸ *Лотман Ю.М.* Разговор о пространстве // *Лотман Ю.М.* Воспитание души. СПб., 2005. С. 74.

6. У народов и этносов нет никаких различий, выходящих за пределы чисто физического вида.
7. Все культуры равноценны, в частности ценности и формы жизни христианской Европы и западных индустриальных государств не должны пользоваться никакой преференцией.
8. Ислам – культура мира. Он обогащает Германию и Европу.
9. Основную ответственность за бедность и отсталость в других частях мира несут западные индустриальные государства.
10. У мужчин и женщин, за исключением физических половых признаков, нет врожденных различий.
11. Классический образ семьи устарел. Дети не нуждаются в отце и матери.
12. Национальное государство устарело. Будущее принадлежит всемирному обществу.
13. Все люди в мире обладает не только одинаковыми правами, они все равны и поэтому имеют право претендовать на базовое обеспечение со стороны немецкого социального государства.
14. Дети – частное дело, миграция решает все демографические проблемы.

На первый взгляд все эти аксиомы кажутся вполне демократичными, либеральными и современными, но возникает вопрос о том, кто же все-таки устанавливает «правила игры», согласно которым должен развиваться общественный (политический) дискурс. Иными словами, какая сила в обществе или государстве устанавливает те самые ценности, которые, став частью общественного мнения или государственной доктрины, должны считаться по сути новой системой добродетелей? Несмотря на то, что современные демократии, как правило, говорят об отсутствии «государственной» идеологии, большинство имеет свой каталог национальных интересов, которого желательно придерживаться. Для проведения этих интересов на все уровни общественного сознания необходима их медийная ретрансляция, в том числе с использованием всех новейших технологий распространения информации и, соответственно, финансов для такого массового обеспечения. То есть средства информации на этой стадии при внешней демократичности во многом становятся более подчиненными интересам государства, чем это было еще лет 20 назад. Причем любопытно, что в этом плане страны, несмотря на свою ориентацию, т. е. более-менее демократичные или склонные к авторитаризму, в сфере манипулирования информацией, воздействуя на сознание людей, действуют схожим образом.

В связи с этим Саррацин предлагает (как социолог) исследовать саму медийную прослойку в Германии. Чаще всего, отмечает он, это представители, имеющие базовое образование в гуманитарной сфере (историки, германисты, политологи), их задача – не столько разобраться в проблеме, сколько уметь ее «правильно» проинтерпретировать. «В той мере, в которой они являются экспертами, их компетенция ограничивается критикой и смыслотворчеством, но не распространяется на решение проблем социальной и физической реальности... Их оценки и установки часто подвержены влиянию господствующей моды, при этом они не в состоянии вырваться из-под власти стадного чувства»²⁹.

²⁹ *Sarrazin T. Der neue Tugendterror. Über die Grenzen der Meinungsfreiheit in Deutschland. S. 26.*

Если когда-то их истинные или ложные утверждения остались бы достоянием незначительного количества читающих и «знающих» людей, то в условиях глобального коммуникационного пространства и при описанной выше поддержке они становятся достоянием всего общества. Именно это обеспечивает их влияние на политику и политиков, реализуется в оттачивание идеологических добродетелей. Таким образом, они в своем статусе входят в систему властной структуры.

Большое значение имеет и политический настрой как важный фактор интерпретации общественных и политических событий, он влияет на политическое мышление и политическое действие. Со ссылкой на интересные исследования Г.М. Кепплингера³⁰ отмечается, что журналисты, согласно их самооценкам, относятся к левому политическому спектру (46 % опрошенных считают, что их мышление левее мышления их читателей), причем это устойчивая тенденция. А именно их политической настрой влияет на отбор и интерпретацию информации, а также на соответствующие комментарии. Несмотря на признание желательности точного изложения фактов, журналисты считают, что ради доброй цели допустимы искажения. Кроме того, большинство журналистов считает, что они не отвечают за побочные результаты своих высказываний. Таким образом, журналисты в своих выводах в слабой степени отражают реальность, конструируя и распространяя собственные (как им кажется) иллюзии, которым охотно верят политики, когда их это устраивает. «Данной иллюзии охотно предается и то большинство политиков, которое сообщения СМИ путает с действительным миром»³¹. Именно так формируется фундамент добродетельного террора как средства манипуляции сознанием людей.

Интересно вслед за Саррацином проанализировать хотя бы некоторые «аксиомы добродетельного безумия», отражающие ситуацию в Германии и во всей Единой Европе.

«Неравенство плохо, равенство хорошо». Постулат таков, что все несчастья человечества коренятся в неравенстве. И как вывод: неравенство – это несправедливость. Следовательно, необходимо выстраивать общественные отношения (и прежде всего международные) таким образом, чтобы неравенство исключить. В то же время, полемизирует с этим положением Саррацин, человек не отрицает неравенство полностью, более того, в некоторых случаях именно оно обеспечивает ему комфортное состояние. Проявление неравенства по отношению к другому может отражать успехи конкретного человека, которые сделали его неравным, например поставили выше по социальной лестнице. В обществе вопрос о равенстве или неравенстве опосредуется конкретной политической системой. При демократии равенство как легитимированная норма – это равенство перед законом, а социальное равенство – равенство возможностей. Соответственно, это порождает дискуссию о допустимой мере неравенства в разных областях жизни.

³⁰ См.: *Kepplinger H.M. Rationalität und Ethik im Journalismus//Journalismus als Beruf. Wiesbaden, 2011; Kepplinger H.M. Der Einfluss politischer Einstellungen auf die Nachrichtenauswahl // Journalismus als Beruf.*

³¹ *Sarrazin T. Der neue Tugendterror. Über die Grenzen der Meinungsfreiheit in Deutschland. S. 141–142.*

Иначе говоря, неравенство в определенном смысле является источником развития. Поэтому «можно смягчить его последствия, если они социально неприемлемы. Но нельзя навредить импульсу, который за ним скрывается, ведь из него возникают знание и благосостояние, одним словом: прогресс и жизнь. Идеолог же равенства, напротив, хотел бы ввести человечество в стоячие воды только ради того, чтобы не возникло нового неравенства»³². По сути, равенство и неравенство – две стороны одного процесса развития, которые, противореча друг другу, преодолевая друг друга, способствуют реализации направления развития общества в сторону справедливости или, напротив, несправедливости.

Вторая аксиома о вторичных добродетелях исходит из того, что у людей есть разные способности, могущие привести к неравенству. Это так называемые вторичные добродетели (прилежание, тщеславие, целеустремленность, пунктуальность, усердие, терпеливость и т. д.). Если неравенство имеет только отрицательную коннотацию, их также следует ограничить. Более того, такие добродетели могут быть и проявлением эгоизма, корысти и т. п., но именно это часто и приводит к продвижению по служебной лестнице или получению власти, в том числе и над людьми, которые менее эгоистичны или корыстолюбивы. Эти добродетели формируются еще в школе, поэтому часто дети средних и высших слоев общества, воспитанные в таком духе, продвигаются более успешно и быстрее, воспроизводя социальное неравенство со всеми вытекающими проблемами.

Напротив, тот, кто отстаивает идею равенства, «сильнее всего избегает действия. Он предпочитает добродетели, направленные на состояния: веру, любовь, надежду, сострадание, солидарность, сердечную доброту – одни подлинные чувства, где ничего не происходит. В достигнутой таким образом душевной энтропии они ощущают безопасность»³³. Таким образом, нацеленность на действие вызывает подозрения, так как оно может приводить как к благу, так и ко злу. Но экономический успех страны во многом зависит именно от деятельностных добродетелей, в конечном счете обеспечивая предпосылки для его лучшего морального состояния.

И, наконец, вопрос о значении национального государства, которое, по мнению политиков, сегодня устарело, и общество переходит к некому единому супергосударству. При этом забывают, что схожие формы уже существовали в виде империй. Идея о том, что все актуальные в современном мире вопросы решаются на наднациональном уровне, находит свое воплощение в создании международных образований типа Европейского Союза. Идеологи такой позиции считают: «Мнимое своеобразие народов, этносов и культур, по сути, является социальными фикциями или вытекает из предубеждений. Это касается и культурного влияния религий. Там, где существуют подобные различия, они исторически обусловлены и поверхностны. Они не касаются сути человеческой жизни и вскоре, как только выравниваются внешние условия жизни, исчезнут»³⁴. В действительности социальная и политическая жизнь, а также вопрос об идентичности людей и обществ по-прежнему неразрывно связан с

³² Sarrazin T. Der neue Tugendterror. Über die Grenzen der Meinungsfreiheit in Deutschland. S. 237.

³³ Ibid. S. 241.

³⁴ Ibid. S. 328.

национальными государством и его структурами³⁵. Об этом свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что бывшие социалистические страны (Югославия, Чехословакия) распались именно по этническому принципу. В Германии же попытка раствориться в единой Европе обусловлена странным желанием «преодолеть все “немецкое” и свести его к гражданству мира»³⁶.

Смысл всех этих аксиом рационально необъясним. За ними скрывается норма равенства, понятая, однако, не как равенство возможностей, а как нивелирование всех различий с вытекающими отсюда политическими требованиями и последствиями. Именно в совокупности «аксиомы» существенно влияют на жизнь всего общества, вызывая резкую критику, которая, однако, благодаря позиции СМИ либо игнорируется, либо на нее навешиваются разного рода ярлыки, и в любом случае распространение таких «оппозиционных» официальной линии взглядов блокируется³⁷.

Красноречивым примером деформации реальной картины действительности посредством СМИ является проблема миграции, о которой мы говорили выше. Представление о равноценности и совместимости разных культур и вероисповеданий, идея мультикультурализма привели к возникновению противоречий и проблем, которые немецкое общество либо уже считало разрешенными (например, вопрос равноправия мужчин и женщин), либо недооценило их (мигранты как обогащение немецкой жизни, исламская культура как часть немецкой). Попытка навязать обществу эти стереотипы вкупе с политикой открытых границ и беспомощностью внутренней политики (от невозможности противодействия террористическим актам до невозможности установить личные данные большого числа мигрантов или рекомендации не публиковать данные в криминальной хронике, которые могли бы оскорбить чувства новых сограждан) привела к сильному росту правых политических сил. Выяснилось, что если граждане не хотят быть «добродетельными» по навязываемой им схеме, то можно получить весьма предсказуемую реакцию, например, действительного террора в качестве ответа на вымышленный добродетельный террор.

Список литературы

Аристотель. Политика // *Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376–644.

Библия. М.: Рос. библейское о-во, 2004.

Бутузова Л. Буратино – не Христос! Почему фейковые новости принимаем за чистую правду // *Новые известия*. 26.04.2018. URL: <https://newizv.ru/article/general?date=26.04.2018> (дата обращения: 04.07.2018).

Лотман Ю.М. Культура и взрыв / Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.

Лотман Ю.М. Разговор о пространстве // *Лотман Ю.М.* Воспитание души. СПб.: Искусство–СПБ, 2005. 624 с.

Миронов В.В., Миронова Д.В.Г. Мультикультурализм: толерантность или признание? // *Вопр. философии*. 2017. № 6. С. 16–28.

³⁵ См.: *Миронов В.В.* Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации // *Вестн. Рос. акад. наук*. 2016. Т. 86. № 2. С. 1–9.

³⁶ См.: *Sarrazin T.* Der neue Tugendterror. Über die Grenzen der Meinungsfreiheit in Deutschland. S. 231.

³⁷ *Ibid.* S. 217, 225–226.

Миронов В.В. Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации // Вестн. Рос. акад. наук. 2016. Т. 86. № 2. С. 1–9.

Миронов В.В., Миронова Д. Ein Knabe, der träumt или, Опьянение властью // Логос. 2018. Т. 28. № 3. С. 149–183.

Павлов А. Добродетельная тирания. Классическая политическая философия в поисках новой терминологии // Логос. 2015. Т. 25. № 6. С. 22–43.

Сен-Жюст Л.А. Дух Революции и Конституции во Франции. Трактат / Пер. М.А. Бобовича // *Сен-Жюст Л.А.* Речи. Трактаты. СПб.: Наука, 1995. С. 181–251.

Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.

Arendt H. Denktagebuch. 1950–1973. 2 Bd. München; B.; Zürich: Piper, 2016. 1331 S.

Buschkowsky H. Neukölln ist überall. B.: Ullstein Buchverlage. 2012. 400 S.

Habermas J. Die Zukunft der menschlichen Natur. Auf dem Weg zu einer liberalen Eugenik? Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2001. 164 S.

Gauck J. Politiker können von Sarrazin lernen. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article11902962/Joachim-Gauck-Politiker-koennen-von-Sarrazin-lernen.html> (дата обращения: 17.07.2018).

Gesetz zur Einführung des Rechts auf Eheschließung für Personen gleichen Geschlechts vom 20. Juli 2017 (BGBl. 2017 I S. 2787). URL: https://dejure.org/BGBl/2017/BGBl_I_S_2787 (дата обращения: 04.07.2018).

Kepplinger H.M. Der Einfluss politischer Einstellungen auf die Nachrichtenauswahl // Journalismus als Beruf. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. S. 101–128.

Kepplinger H.M. Rationalität und Ethik im Journalismus // Journalismus als Beruf. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. S. 177–203.

Personenstandsrecht muss weiteren positiven Geschlechtseintrag zulassen. Pressemitteilung Nr. 95/2017 vom 8. November 2017. Beschluss vom 10. Oktober 2017 I BvR 2019/16. URL: <https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2017/bvg17-095.html> (дата обращения: 04.07.2018).

Rassismus. Die Erfindung von Menschenrassen. Deutsches Hygiene-Museum Dresden. 19.05.2018 – 06.01.2019. URL: <https://www.dhmd.de/en/exhibitions/racism/> (дата обращения: 04.07.2018).

Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. München: DVA. 11. Aufl., 2010. 467 S.

Sarrazin T. Der neue Tugendterror. Über die Grenzen der Meinungsfreiheit in Deutschland. München: Deutsche Verlagsanstalt. 4. Aufl., 2014. 397 S.

Virtuous Terror, or Who Defines the Boundaries of Freedom of Speech (Reflecting on the Works of Thilo Sarrazin)

Vladimir V. Mironov

Lomonosov Moscow State University. 27/4 Lomonosovsky ave., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: vlamironov@yandex.ru

Dagmar W.H. Mironowa

Lomonosov Moscow State University. 27/4 Lomonosovsky ave., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: dagmar@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the latest books of Thilo Sarrazin, the author of social and political and publicistic bestsellers, famous in Germany, which caused extensive public discussions and rejection of Sarrazin's ideas, mainly on the level of ruling elite and mass media. The author raises sensitive issues about the current state of freedom of the

press, speech, opinion, religion in Germany. In his opinion, instead of real freedom, the state implements a kind of a model of “new ideology”, the consolidation of which is facilitated by modern media. In fact, it is a form of new, ideological “virtuous terror” which thoroughly regulates what it is correct or incorrect to speak about and discuss publicly. Norms of acceptance or rejection of certain ideas imposed by the ruling elite are appeared in the form of a kind of taboo, which Sarrazin designates as “axioms of virtuous madness”. They are ambiguously perceived in society, however, due to the general position of media this fact is ignored, and the spread of “oppositional” to the official line views is often blocked.

Keywords: Thilo Sarrazin, “virtuous terror”, freedom of the press, speech, opinion, religion in Germany, political correctness, mass media, principle of equality, “axioms of virtuous madness”

References

- Arendt, H. *Denktagebuch. 1950–1973*. 2 Bd. München: Piper, 2016. 1331 S.
- Aristotel. Politika. [Aristotle. Policy], in: Aristotel. *Sochineniya* [Works], Vol. 4. Moscow: Mysl Publ., 1983, pp. 376–644. (In Russian)
- Bibliya* [Bible]. Moscow: Rossiyskoye bibleyskoye obshchestvo Publ., 2004. (In Russian)
- Beschluss vom 10. Oktober 2017 I BvR 2019/16 [https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2017/bvg17-095.html, accessed on 04.07.2018]
- Butuzova, L. “Buratino – ne Khristos! Pochemu feykovyye novosti primimayem za chistuyu pravdu”, in: *Novyye izvestiya. 26 aprelya 2018 goda* [Pinocchio – not the Christ! Why fake news is taken for the truth] [https://newizv.ru/article/general?date=26.04.2018, accessed on 04.07.2018] (In Russian)
- Buschkowsky, H. *Neukölln ist überall*. Berlin: Ullstein Buchverlage, 2012. 400 S.
- Gauck, J. *Politiker können von Sarrazin lernen* [https://www.welt.de/politik/deutschland/article11902962/Joachim-Gauck-Politiker-koennen-von-Sarrazin-lernen.html, accessed on 17.07.2018]
- Gesetz zur Einführung des Rechts auf Eheschließung für Personen gleichen Geschlechts vom 20. Juli 2017* (BGBl. 2017 I S. 2787) [https://dejure.org/BGBl/2017/BGBl_I_S_2787, accessed on 04.07.2018]
- Habermas, J. *Die Zukunft der menschlichen Natur. Auf dem Weg zu einer liberalen Eugenik?* Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2001. 164 S.
- Kepplinger, H.M. “Der Einfluss politischer Einstellungen auf die Nachrichtenauswahl”, in: *Journalismus als Beruf*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. S. 177–203.
- Kepplinger, H.M. “Rationalität und Ethik im Journalismus”, in: *Journalismus als Beruf*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. S. 101–128.
- Lotman, Yu.M. “Razgovor o prostranstve” [Conversation About the Space], in: Yu. M. Lotman *Vospitaniye dushi* [Education of the Soul]. St. Peterbourg: Iskusstvo–St. Peterbourg Publ., 2005. 624 pp. (In Russian)
- Mironov, V.V. “Transformatsiya ekonomiki, politiki i prava v usloviyakh globalizatsii” [Transformation of Economics, politics and law under conditions of globalization], *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2016, Vol. 86, No. 2, pp. 1–9. (In Russian)
- Mironov, V.V., Mironowa, D. “Ein Knabe. der träumt ili Opianeniye vlastyu” [Ein Knabe, der träumt, or Intoxication by Power], *Logos*, 2018, Vol. 28, No. 3, pp. 149–183. (In Russian)
- Mironov, V.V., Mironowa D.V.G. “Multikulturalizm: tolerantnost ili priznaniye?” [Multiculturalism: Tolerance or Acceptance?], *Voprosy filosofii*, 2017. No. 6, pp. 16–28. (In Russian)

Pavlov, A. “Dobrodetelnaya tiraniya. Klassicheskaya politicheskaya filosofiya v poiskakh novoy terminologii” [Virtuous tyranny. Classical political philosophy in search of new terminology], *Logos*, 2015, Vol. 25, No. 6, pp. 22–43. (In Russian)

Personenstandsrecht muss weiteren positiven Geschlechtseintrag zulassen. Pressemitteilung Nr. 95/2017 vom 8. November 2017.

Rassismus. Die Erfindung von Menschenrassen. Deutsches Hygiene-Museum Dresden. 19.5. 2018 – 6.1. 2019 [<https://www.dhmd.de/en/exhibitions/racism/> (accessed on 04.07.2018)]

Saint-Just, L.A. “Dukh Revolyutsii i Konstitutsii vo Frantsii, Traktat”, trans. by M.A. Bobovich [The Spirit of the Revolution and the Constitution in France. A Treatise], in: L.A. Saint-Just, *Rechi. Traktaty* [Speeches. Treatises]. St. Peterbourg: Nauka, 1995, pp. 181–251. (In Russian)

Stepin, V.S. *Tsivilizatsiya i kultura.* [Civilization and culture]. St. Peterbourg: SPbGUP Publ., 2011. 408 pp. (In Russian)

Sarrazin, T. *Der neue Tugendterror. Über die Grenzen der Meinungsfreiheit in Deutschland.* München: Deutsche Verlagsanstalt. 4. Aufl., 2014. 397 S.

Sarrazin, T. *Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen.* München: DVA. 11. Aufl., 2010. 467 S.